

ГЛАВА 1

«Килограммы, которые вы сбросили в фитнес-зале, не заплакали от разлуки, они быстро помчались к хозяйке на кухню и спрятались в холодильнике».

— Нет, нет, — сказал худощавый мужчина в голубой кепке. — Кто придумал этот текст? Мне такая фраза в рекламном видео не нужна.

Все, кто находился в комнате, замерли.

— Афанасий Сергеевич, что вам не нравится? — осторожно спросил парень, который, несмотря на теплый день, облачился в темно-коричневый шерстяной костюм, жилетку и повязал галстук.

Мужчина в голубой кепке стукнул кулаком по столику на колесах, который стоял около его кресла. Стол откатился к стене, ударился о нее, чашка, сахарница, молочник и вазочка с печеньем оказались на полу.

— Текст неправильный, — по-прежнему не повышая голоса, объяснил он, — и, Вадим, во-первых, я — Константинович. А во-вторых, просто — Афанасий!

— Да, да, конечно, — смутился юноша, — я не хотел вас обидеть... Э... ну...

— Не первый раз предупреждаю насчет отчества, — журчал Афанасий, — оно мне конкретно не нравится, и, Вадим, я объяснял причину. Я воспитывался в детдоме, к двери которого меня подбросила мать. Ее имя мне неизвестно. А может, и не она меня на ступеньки положила. И про папашу я никогда не слышал! Константиновичем стал потому, что так решила директор приюта. Афанасий Константинович! Не выговоришь сразу, предварительно потренироваться нужно. Трудное словосочетание. Неудобное. А если человек ломает язык, пытаюсь с вами поздороваться, то он нервничает, и отношения не складываются. Понятно объяснил?

— Да, Афанасий Сергеевич, — ответил парень.

Мужик закатил глаза.

— Боже, пошли мне терпения. Опять «Сергеевич»! Увы, я работаю с теми, кто есть. Приведите сюда автора незабываемой фразы про килограммы и холодильник.

Юноша стал пятиться и наступил на серую кошку, которая мирно спала на ковре. Киса испугалась, издала утробный звук, вцепилась когтями в брюки неловкого парня и повисла на них.

Вадим замер.

— Эразм Попандополович, подергайте ногой, Брита свалится, — посоветовал хозяин.

— Кто брит? — прошептал бедолага. — Ну, да, я брился с утра.

Афанасий криво усмехнулся.

— Эразм Попандополович, Бритой зовут кису. Лично я уже не надеюсь, что вы запомните мое отчество, перестанете величать меня «Сергеевичем» и будете обращаться ко мне так, как я неоднократно просил, просто по имени. Но я не стану шипеть, царапаться, кусаться, просто откажусь от ваших услуг. А Брита использует другие методы! Я не всегда одобряю поведение кошки, но в данном случае она, напав на человека, права. Вы на нее наступили, испугали.

— Совершенно случайно, — начал оправдываться парень.

— Хорошо, что не было злого умысла, — протянул хозяин, — но, Эразм Попандополович, если без желания убить Эразма Попандополовича, на вас свалится с десятого этажа чугунная гиря, что случится с Эразмом Попандополовичем после того, как она Эразму Попандополовичу на темечко ухнется?

Вадим потер макушку.

— Ну... ничего хорошего.

— Когда Эразма Попандополовича повезут на кладбище, будет ли для него иметь значение, что у гири не было злого умысла? — не утихал Афанасий.

— Он умер, — вздохнул парень, — ему все равно.

— Вот и Брите фиолетово, что у вас не было желания ее ранить, — хмыкнул Афанасий.

— Ранить? — испуганно повторил парень. — Где?

— Не видите кровь? — прищурился хозяин кошки.

— Нет, — жалобно признался Вадим.

— Хорошо. Просто отлично.

— Почему? — окончательно растерялся молодой человек.

— Потому что ее там нет, — объяснил Афанасий. — Ступайте, Эразм Попандополович. Да не забудьте, куда идете. Помните задание? Я велел вам принести паштет из птицы киви.

Юноша улетел, как комок пыли, слутый сквозняком.

— Афанасий, его зовут Вадим, — прочирикала девушка в розово-голубом платье с широкой юбкой.

— Знаю, — кивнул тот.

— Почему тогда ты обращаешься к нему Эразм Попандополович?

— А потому, что он меня упорно называет Афанасием Сергеевичем, — развеселился ее собеседник. — Он заковыристо выражается, а я ему в ответ с подвывертом.

Я молча слушала беседу. Афанасий Константинович Рыбаков появился в офисе Макса неделю назад, приехал один, не был скандальным, эпатажным, вежливо попросил:

— Можете проверить кое-каких людей?

— Конечно, — ответил Макс. — Речь идет о ваших сотрудниках? Подозреваете, что они предоставили поддельные характеристики? Замешаны в чем-то неблаговидном?

— Нет, — поморщился Рыбаков, — надо до-тошно изучить мать, отца, брата, сестру.

— Вы решили жениться, — улыбнулся Макс, — нет проблем.

— Играть свадьбу? — поморщился Афанасий. — Да никогда. Не желаю изгадить свою жизнь. Необходима проверка моих родных.

Макс слышал от клиентов много всякого, он давно ничему не удивляется, но слова Рыбакова моего мужа поразили.

— Проверка данных близких родственников? Вы же их хорошо знаете.

Афанасий провел ладонью по волосам.

— Нет, я с ними не так давно познакомился.

— С родной матерью? — не выдержала я.

— Звучит странно, а по сути обычно, — вздохнул Афанасий и рассказал свою биографию.

Рыбаков родился двадцать девятого февраля. Но это все, что ему известно. Далее сплошные вопросы. Кто мать Афанасия? Отец? Есть ли у него братья, сестры? По какой причине совершенно здорового мальчика без всяких физических уродств и недугов подкинули на порог дома малютки? Ответов на эти вопросы нет. Ребенка заботливо завернули в несколько теплых одеял, хорошо одели, снабдили соской. Тот, кто избавился от крошки, не хотел причинить младенцу вреда. Когда директор приюта развернула кулек, она обнаружила записку, напечатанную на машинке: «Мальчик. Афанасий. 3,520. 29 февраля». Конечно, директор сообщила в милицию, но найти ро-

женицу было невозможно. Все бирки с вещей малыша срезали, пеленку, одеяло, шапочку купили в «Детском мире», но в советские годы там не было богатого выбора. Все новорожденные московские мальчики были завернуты в голубые клетчатые одеяла из байки, девочки в розовые. Мать-кукушку не нашли.

Афанасий рос послушным, вполне симпатичным внешне. Оставалось лишь удивляться, почему никто из приемных родителей не забрал ребенка, когда тот еще не умел разговаривать. В дома малютки редко попадают совершенно здоровые дети. Как правило, от наследников отказываются женщины легкого поведения, алкоголички, наркоманки, малолетние. К сожалению, у них часто рождаются больные дети, и таких в приюте было много. Но вот странность, недужных забирали, а на хорошенького крепкого Афанасия никто не обращал внимания.

Спустя время Рыбакова перевели в интернат. В четыре года он бойко декламировал стихи, в пять сам научился считать, в шесть, видя тягу мальчика к знаниям, его отдали в первый класс. Афанасий был покладистым, не плакал по каждому поводу, не злился, не завидовал, отлично учился, много занимался спортом. Но потенциальные родители равнодушно перелистывали в альбоме страницу с его фотографией. В тринадцать лет Афанасий понял: ему не найти семью. Он давно жил в приюте и прекрасно знал: шансы стать чьим-то сыном резко уменьшаются

с возрастом. Младенца в пеленках, малыша, который делает первые шаги, двухлетку, едва лепечущего слова, — их возьмут охотно. Надежда обрести родителей есть у первоклассника. А вот тем, кто вступил в подростковый возраст, не стоит мечтать об ужинах с мамой-папой-бабушкой.

Когда Афанасию исполнилось четырнадцать, в интернат приехала уже немолодая семейная пара Фотовых: Игорь и Анна. Муж рассказал директорисе, что их с женой сын случайно погиб, провалился на улице в люк, который забыли закрыть рабочие. Несколько лет родители оплакивали подростка, они не собирались заменять его сиротой из приюта. Но пару дней тому назад в больницу, где работал хирургом безутешный отец, привели мальчика. Игорь обомлел. Школьник как близнец походил на погибшего Никиту. Внешность, голос, манера щурить глаза при стопроцентном зрении, спокойный характер...

— Что с тобой случилось? — боясь потерять самообладание, поинтересовался доктор.

— Я занимаюсь спортивной гимнастикой, — пояснил мальчик, — на тренировке упал с колеца, головой тюкнулся. На полу лежали маты, сейчас у меня уже ничего не болит, но тренер испугался.

Покойный Никита тоже по мистическому совпадению занимался спортивной гимнастикой. Фотов испугался, что потеряет сознание, перед ним сидел его покойный сын. Живой.

ГЛАВА 2

Найти детдом, в котором жил Афанасий, оказалось просто. Следующую неделю Игорь и Аня исподтишка следили за мальчиком, наблюдали, как он идет в школу, бегают с другими детьми, и все больше убеждались, что видят родного сына. Решив забрать паренька, Фотовы прикатили в интернат, но, понимая, что о воскрешении Никиты говорить не стоит, их сочтут сумасшедшими, просто попросили директрису познакомить их с мальчиками-подростками. Ангелина Борисовна протянула им альбом.

— Сначала на внешность гляньте, затем биографию почитайте, меддокументы посмотрите.

Афанасий, конечно же, ничего не знал о происходящем. Мальчик был немало удивлен, когда в спортзал, где он занимался, влетел вроде знакомый мужчина и закричал:

— Аня, вот он!

Вслед за ним вбежала полная женщина и рыдалась:

— Никита, ты вернулся.

Афанасий не успел опомниться, как незнакомка кинулась его обнимать. Мальчик начал отбиваться, тренер Юра бросился ему на помощь. С теткой приключилась истерика, ее муж тоже зарыдал. Юра понял: происходит нечто странное, отпустил всех детей, оставил одного Афанасия и стал расспрашивать незнакомцев. Игорь вынул из сумки фото и положил его на стол.

— Кто это?

— Фася, — удивился тренер, назвав мальчика так, как к нему обращались друзья.

Рыбаков сразу узнал себя.

— Это я. Точь-в-точь такой снимок в школе на доске почета висит.

— Нет, — возразила, всхлипывая, Анна, — перед вами Никита, наш погибший несколько лет назад сын. Детка, как давно ты в интернате?

— С рождения, — ответил мальчик, — я подкидыш. Найден на ступеньках дома малютки.

— Нет, нет, — заломила руки Фотова, — я не могу ошибаться. Ты Никита.

— Глупо приезжать в спортивный центр и кидаться на ребенка, — рассердился Юра. — Не спорю, пацан на фото и Фася прямо одно лицо. Но Рыбаков точно из детдома. Вам туда надо, к директорисе.

— Мы ходили к ней, — пояснил Игорь, — Ангелина Борисовна рассказала нам о тех, кого можно забрать. Про Афанасия сначала даже не упомянула. Когда мы назвали фамилию и имя, она заявила: мальчик не подлежит усыновлению.

— Почему? — удивился Афанасий.

— По словам местной начальницы, у Рыбакова есть родители, он не отказной, отдан в детдом временно, — объяснила Анна.

Афанасий разинул рот и повторил:

— Родители?

— Она так сказала, — заплакала Анна, — но я же вижу, ты Никита! Мой! Живой! Мы с папой

узнали, где ты тренируешься, и пришли, чтобы тебя обнять!

Вернувшись в детдом, Афанасий прямиком направился к директрисе, сообщил ей, что случилось на тренировке, и прямо спросил:

— У меня есть отец и мать?

— Извини, милый, ты подкидыш, — вздохнула Ангелина, — хотя, конечно, у каждого человека есть родители. Иначе как он на свет появился?

— Почему моего фото нет в альбоме? — возмутился Фася.

Ангелина достала из шкафа толстый том, перелистнула страницы.

— Вот оно!

Подросток пришел в недоумение.

— Но Фотовы сказали...

— Они не только мое наказание, их во многих детдомах знают, — махнула рукой Ангелина. — Фотовы говорили тебе, когда погиб Никита?

— Года два-три назад вроде, — без особой уверенности ответил мальчик, — как-то так.

— Сюда они уже давно ходят, — грустно объяснила Ангелина, — сначала я им поверила. Привела подростка, о котором пара сказала, что он вылитый их Никита, это случилось лет десять-двенадцать назад. Ой, нет смысла тебе все рассказывать. Фотовы психиатрические больные, не агрессивные, тихие. Детей у них никогда не было, на этой почве они умом и тронулись. Два раза в год, осенью-весной, у них случается обо-

стрение. Муж с женой начинают ходить по школам, снимают чью-то фотографию с доски почета. Твоя же там висела?

— Да, — согласился Афанасий, — лучший ученик месяца. Я ни одной четверки не получил за это время, только пятерки.

Ангелина убрала альбом.

— Потом они со снимком несутся к классному руководителю мальчика, рассказывают про бедного Никиту и ученика, его близнеца. Если у мальчика есть мама-папа-бабушка-дедушка, Фотовы к ним со своей сказкой не спешат. Головы у них больные, да они понимают: их взащей выгонят. Но иногда ребенок оказывается из интерната. Ненормальные дважды в одну школу не заглядывают, а вот в приюты многократно заруливают, их там прекрасно знают. Наша Наталья Ивановна, секретарь, увидела, как пара входит в приемную, заметила, что у Игоря в руках твой снимок, и предложила больным пять минут посидеть у двери. А сама поспешила в мой кабинет и предупредила меня. Я быстро твой снимок спрятала. Остальное ты уже знаешь. Извини, дорогой, я полагала, что на этом история закончится. До сих пор они утихали, услышав про то, что «их» мальчика нет. А с тобой вон как получилось! Ступай в столовую, баба Катя даст тебе пирожков. Понимаю, тебе обидно, но прости Фотовых, пожалей их, они не здоровые люди. И мой тебе совет: не ищи родню.

— Почему? — нахохлился Афанасий.

— Неизвестно, кого найдешь, — пояснила Ангелина Борисовна. — Хорошая мать ребенка никогда не бросит.

— Понимаю, — по-взрослому ответил паренек. — Но вдруг мама во мне нуждается? Вдруг ей плохо? И, возможно, она раскаивается, что бросила меня.

Ангелина встала.

— Фася, ты хороший мальчик, умный, но жизненного опыта не имеешь. А у меня он есть. Печальный. Почти все воспитанники-подкидыши, которые нашли своих родных, потом горько пожалели о знакомстве с ними. Родители часто оказывались уголовниками, наркоманами, пьяницами. Мерзавцы в свое время не захотели ребенка воспитывать, зарабатывать ему на хлеб и суп, одевать, обувать, учить. А когда мальчик или девочка взрослыми к ним пришли, вот тут лились сопли, слезы радости. Думаешь, подонки ликовали, что увидели свою плоть и кровь? Не смейся! Они знали: воспитанник детдома получил от государства жилье. И дураком из интерната не выпустят, выучат, хорошую профессию дадут. Отбросы общества понимают: у них появился кормилец. Чихнуть не успеешь, как маргиналы тебе на шею садут, запрягут и поедут с песней.

Директриса открыла сейф.

— Я не имею права тебе личное дело показывать, но ты умный, болтать направо и налево не станешь. Вот, смотри.

Перед Афанасием на стол легла папка.

— Изучи внимательно, — велела Ангелина, — рассмотри фото одеяла, пеленок, корзинки, соски, себя самого в возрасте нескольких дней. Снимки милиция делала. Следователь очень хороший делом занимался. Кстати! Он жив-здоров, до сих пор работает, Ступенькин Прохор Сергеевич. Дам тебе его служебный телефон, он расскажет, как тебя взял на руки, а ты его опрудил.

Афанасий молча пролистал папку, добрался до анкеты. «Мальчик. Дата рождения — 29 февраля (предположительно). Имя — Афанасий (предположительно). Отчество — неизвестно. Мать — неизвестна. Отец — неизвестен. Медучреждение, откуда поступил в дом малютки, — неизвестно. Справка о рождении — отсутствует. Вес — 3,520. Рост — 51 см (обмер и взвешивание сделано медсестрой Ивановой в доме малютки). Первичный осмотр педиатром в роддоме — данные отсутствуют».

Афанасий закрыл папку.

— Сейчас отыщу телефон Ступенькина, — пообещала Ангелина.

— Не надо, — отмахнулся подросток, — он же обо мне ничего, как и вы, не знает.

Директриса обняла мальчика.

— Афанасий! У тебя не очень радостное детство. Как я ни стараюсь, но в интернате настоящую домашнюю обстановку не создашь. Вас кормят, поят, одевают, не обижают, не бьют, поверь, не везде так. Но мамой я каждому стать не могу и воспитатели тоже, у нас дома свои дети есть. Не стану врать, я сына-троечника люблю больше,

но прекрасно отношусь и к тебе. Выслушай меня внимательно. Золотую медаль, о которой ты мечтаешь, не получишь. Их на каждую школу определенное количество выделяют. Понятное дело, желанная награда сироте без роду-племени не достанется. И в институт без блата трудно пролезть. У тебя один путь — спорт. Получи звание мастера, и любой вуз тебя принять за счастье сочтет. Забудь про все. Выкинь из головы мысли о родной семье. Тебе ее никогда не найти. Утром школа, потом спортивный зал. Квартиру, которая тебе положена, я выбью. Обещаю.

ГЛАВА 3

Рыбаков окончил школу с одной четверкой по истории. Выпускник не расстроился, он понимал, что учительница, которая не поставила ему «отлично», просто выполняла приказ начальства: завалить детдомовца, который шел на золотую медаль. У Рыбакова было много блестящих кубков за победы в соревнованиях. В институт физкультуры на отделение, где готовили специалистов по реабилитации, мастер спорта, чемпион, почти круглый отличник, поступил играючи. Серьезного студента, который посещал все семинары, лекции, активно отвечал, всегда имел аккуратные конспекты, не пил, не курил и явно хотел как можно лучше овладеть профессией, педагоги заметили еще на первом курсе.

Ни одной четверки за все сессии, аспирантура, защита кандидатской. Молодого ученого научный руководитель, академик, взял под свое крыло, устроил его на работу. Впереди расстилалась широкая дорога к докторской диссертации, профессорской должности, заведыванию кафедрой. И вдруг! Афанасий ушел из НИИ, где его считали звездой, и... открыл свой фитнес-клуб.

Научный руководитель приехал посмотреть на бизнес ученика и очень расстроился.

— Фася! Откуда эта дурь? Две комнаты в подвале! Какие-то непонятные тренажеры, их словно на коленке сделали!

— Примерно так и было, Наум Моисеевич, — согласился Афанасий, — один мастер их по моим чертежам соорудил. Я придумал гимнастику. Новый вид.

— Что? — засмеялся академик.

— Диейогетика, — пояснил Фася.

— Зверь страшный, — хмыкнул Наум Моисеевич, — не выговоришь.

— Диета, плюс йога, плюс акробатика, — выпалил Рыбаков.

— Сон разума рождает чудовищ, — буркнул научный руководитель. — Где деньги взял?

— Квартиру продал, — весело сообщил кандидат наук.

— Идиот! — не сдержался Наум Моисеевич. — Кретин! Почему не посоветовался с умным человеком? Со мной? Где ты сейчас живешь?

— Комнату снял, — пояснил парень. — А у вас спина болит!

— Экий секрет, — поморщился академик, — она у всех в моем возрасте кукарачу пляшет.

— Слабые мышцы плюс лишний вес, — поставил диагноз Афанасий, — сидячий образ жизни, жрательно-телевизионный отдых. Хотите я из вас за три месяца огурец сделаю?

— Позеленею и покроюсь пупырьями? — засмеялся Наум Моисеевич.

— И хвостик зацветет, — пообещал бывший аспирант.

— Заманчивое предложение, — развеселился академик, — насчет хвостика.

— Ни копейки не возьму, — продолжал Афанасий.

— Любезный, это я, если на такую глупость соглашусь, с тебя ни копейки не возьму, — хмыкнул Наум Моисеевич.

— Хоть попробуйте, — взмолился Рыбаков, — вот сюда лечь надо.

— О-хо-хо, грехи мои тяжкие, — прокряхтел профессор, укладываясь на топчан. — Кто мне объяснит, почему я решил тебе подчиниться? Прямо дыба тут.

Через пятнадцать минут Наум Моисеевич встал и удивился:

— Поясница не ноет.

— Я же обещал! — обрадовался владелец фитнеса.

Спустя четыре месяца друзья и коллеги стали спрашивать академика:

— Вы молодильные яблочки едите?

— Фитнесом занимаюсь, — смеялся тот, — сбросил десять кило, спина как новая. Могу дать адрес.

Прошло два года. Афанасий переехал из подвала в трехэтажное здание, нанял тренеров, диетологов. Диейогетику он, по совету Наума Моисеевича, переименовал в дигетику. От клиентов отбоя не было. Народ худел, стройнел, обрастал мышцами. В зале излечивались от мигрени, истерик, депрессии, различных болей, бронхита, аллергии. Одно плохо — Афанасий ставил жесткое условие: или ты слушаешься тренера во всем, или уходи. Не каждый мог выдержать предложенный режим: утром обливание холодной водой, потом скромный завтрак, в среду и пятницу не есть белковой пищи, три тренировки в неделю. Многие убежали, но те, кто оставался, хорошели на глазах.

Сейчас бывший детдомовец, тихий старательный мальчик — обладатель империи Дигетика. У него пять фитнес-клубов в столице. Рыбаков мог легко открыть свои заведения по всей России, но он категорически не хотел увеличивать количество залов за счет качества услуг.

— Пять точек я сам проверить могу, — объяснял он корреспондентам, которые теперь часто приходили к Афанасию за интервью, — на большее меня не хватит. Где нет хозяйского глаза, там

начинается разлюли-малина. А я каждого тренера, диетолога, врача лично знаю.

Кроме того, Афанасий начал выпускать спортивную форму, основал фирму доставки специального питания на дом. Все, за что он брался, мигом приносило прибыль. Он разбогател, стал жить на широкую ногу, превратился в модника. Ребенок, который в детстве имел только школьную форму и несколько «гражданских» вещей, стал шопоголиком, покупал все, что видел. Жизнь Рыбакова стала сказочно прекрасной. Добрый Боженька с лихвой наградил его за детское терпение и доброту. Но вот семьи у Афанасия не было. Почему? Ответ прост: ему никто из женщин не нравился. Конечно, у бизнесмена случались романы, но через пару месяцев отношений он представлял себе, что эта женщина останется с ним до конца дней, родит детей, будет ходить по его дому, распоряжаться всем, с ней придется постоянно проводить время, спать в одной постели, и пугался. На следующий день любовница вежливо и аккуратно изгонялась из квартиры навсегда. Спустя пару лет Афанасий задал себе вопрос: зачем мне супруга? Готовка? Есть повар, навряд ли обычная тетка сделает торт с мирабелю лучше француза, которого нанял Рыбаков. Уборка, стирка, глажка? На то есть домработница. Секс? Тут вообще без проблем, только покажи кошелек, и все порядочные и непорядочные красавицы прилетят на аромат денег, готовые на все. Дети? Афанасий улыбается чужим детям,

но в своих не нуждается. Кому оставить нажитое? Лет в семьдесят Афанасий возьмет ребенка из детдома, обучит его дигетике и перед смертью вложит бразды правления империей в руки воспитанника. Еще вопросы есть?

В бизнесе нельзя оставаться мямлей, прощать сотрудникам лень, нежелание расти в профессии, глупость. Афанасий безжалостно выгонял тех, кто не соответствовал его требованиям, но и очень щедро поощрял тех, кто работал так, как требовал Рыбаков. И зачем человек, который создал без чьей-либо помощи и посторонних денег успешный бизнес, привык чуть ли не с пеленок справляться со всеми ухабами на жизненном пути, обратился в агентство Вульфа?

Не так давно в офис Афанасия вошла прекрасно сохранившаяся дама и с порога спросила:

— У вас есть на животе под пупком родимое пятно, похожее на пчелу? Оно желто-коричневое, овальное, имеет светлые полосы, в стороны отходят цепочки мелких родинок, а одна, покрупнее, сойдет за голову насекомого.

Афанасий, у которого на тот день не было ни одной назначенной встречи, работал за компьютером. Когда в кабинете застучали каблучки, он даже не поднял головы, пребывал в уверенности, что к нему пришла с кофе секретарша. И вдруг такой вопрос! От неожиданности Рыбаков ответил:

— Да!

Дама быстрым движением расстегнула брюки.

— Вот такая?

Взгляд тренера мигом отметил, что пресс посетительницы в отличной форме, которая достигается лишь регулярными занятиями. Еще Афанасий умеет точно определять возраст человека, поэтому он сразу понял — незваная гостья вовсе не молода, мысленно похвалил ее за стройность, занятия в зале и лишь потом удивился:

— Да. У вас такая же!

Женщина без приглашения опустилась в кресло и протянула визитку. Рыбаков взглянул на нее и заговорил:

— Уважаемая Алевтина Михайловна! Удивительно, конечно, что у нас с вами одинаковые родинки на теле. Но не думаю, что я вам нужен как партнер по бизнесу. Ваша сфера деятельности далека от моей. Или вы хотите посещать один из моих залов по скидке?

Дама махнула рукой.

— Речь идет не о совместном проекте. И не о выпрашивании скидки. Информацию о моем статусе я дала вам для того, чтобы вы не подумали, будто мне нужны деньги. О нет! Своих хватает.

— Хорошо, когда у вас в доме достаток, — кивнул Рыбаков. — Какова цель вашего визита? Ко мне сюда заглядывают в двух случаях. Когда хотят предложить поработать вместе или ведут речь о большой скидке.

— Я ваша биологическая мать, — объявила посетительница, — деньги мне не нужны.

— Уже понял, — пробормотал Афанасий, решив, что перед ним сумасшедшая.

А гостя словно подслушала мысли Рыбакова.

— Я совершенно здорова, как физически, так и психически.

— Отрадно это слышать, — вздохнул Афанасий.

— Я ваша биологическая мать, — повторила Кирпичникова, — не нуждаюсь ни в какой помощи. У нас одинаковые родимые пятна.

— Не могу считать сей факт доказательством родства, — отрезал Афанасий.

— Это редкость, — возразила дама, — и у вас есть сестра с таким же знаком. Давайте сдадим анализ крови. Тогда исчезнут любые сомнения.

— Чьи? — засмеялся Рыбаков. — Я ни в чем не сомневаюсь.

— Вдруг вы видите родную маму? — прищурилась Кирпичникова.

ГЛАВА 4

Рыбаков закрыл ноутбук.

— Тогда у меня есть вопросы. Мама, зачем вы меня к дому малютки подбросили?

— Тебя украли, — вздохнула Алевтина, — в роддоме. А мне сказали, что ребенок умер. Я только недавно узнала, что сын появился на свет живым и здоровым.

Афанасий рассмеялся.

— Не знаю, какую цель вы преследуете, но надо было придумать нечто мало-мальски похожее на правду. Предположим, что я наивный дурачок, развесил уши, поверил мамочке, кинулся к ней на шею со словами: «Всю жизнь ждал тебя, давай жить вместе, возьми мои деньги, для мамы мне ничего не жалко. Какой ужас, меня украли!» Но возникают вопросы: мамуля, как вы узнали, что бизнесмен Рыбаков тот самый младенец? Новорожденный без имени, фамилии, незарегистрированный. Коим образом можно отыскать взрослого, который из крохи получился? А? И второе. Тот, кто украл меня, идиот? Псих? Зачем утаскивать ребенка и сразу бросать его у входа в приют?

Нежданная гостыя опустила взор.

— У меня есть четкие ответы. Но это не моя тайна. Я не имею права ее разглашать. Давайте просто сделаем анализ ДНК. Он все на места поставит.

— Не моя тайна, не имею права ее разглашать, — передразнил ее владелец фитнес-клубов и расхохотался, — ступайте, маменька, лесом.

— У нас одинаковые родинки на животе, — уже не первый раз напомнила Алевтина, — и уже объяснила, что я в деньгах не нуждаюсь. Ладно, ответчу. Но имен не назову. Неделю назад ко мне обратился мужчина, он рассказал, что его теща, прекрасный человек, работала директором детдома. Ангелина Борисовна Сапина любила воспитанников, но баловать их не могла, денег ей

выделяли мало. Пальто, например, воспитаннику менялось раз в три года. Такие в те времена были правила. А женщине очень хотелось и одеть ребятишек получше, и кормить повкусней. Один раз к Сапиной приехал неприметный мужичонка с невероятным предложением. Он может сделать детдом Ангелины показательной площадкой. Финансирование в разы увеличится, у них проведут ремонт, купят новую мебель, игрушки. Когда переоборудование закончится, в интернат будут привозить гостей из-за границы, покажут им, как прекрасно в СССР содержат сирот. С ребятами будут работать психологи, проводить всякие тесты, потом писать диссертации. Денег на нужды детдома дадут столько, что их все не истратишь. Хотите?

— Да, — не веря своему счастью, ответила Ангелина, — да, да, да.

— Есть условие, — улыбнулся мужчина, — за все хорошее, что вас ждет, возьмите под свою опеку мальчика. Документы у него в порядке. Перевод из дома малютки. Воспитанник должен жить у вас до окончания школы. Без усыновления.

Ангелина согласилась. Но когда она стала изучать документы нового воспитанника, то поняла, что не все там гладко. Афанасия перевели из учреждения, которое сгорело дотла за полгода до того, как он оказался в интернате Сапиной. Где малыш находился шесть месяцев?

Задать этот вопрос мужчине, который обещал превратить ее интернат в райское место, Ан-

гелина не решилась. Прошло немало времени, директриса отправилась на курсы повышения квалификации, прослушала много интересных лекций. Одну из них читала дама-генетик, свой доклад она сопровождала фотографиями. Когда на экране появилось изображение одного младенца, Сапина вздрогнула. Чуть ниже пупка малыша располагалось необычное родимое пятно. Потом появился другой снимок.

— Теперь вы видите родинку матери, — объяснила ученая дама. — Моя диссертация посвящена пигментированным пятнам, я собрала большой материал, много времени провела в родильных домах. Родинки бывают удивительной формы. Сейчас покажу еще один интереснейший материал.

После лекции Ангелина подошла к профессору с вопросом: «Родинки, такие, как у новорожденного и его матери, похожие на пчелу, часто встречаются?»

— Конечно, нет, — улыбнулась профессор, — лично я такую впервые видела. Почему вы спрашиваете?

— Я знаю девочку с похожей отметиной, — соврала Сапина, — может, она родственница тем, о ком вы говорили.

Профессор не успела ответить, ее отозвали в сторону. На кафедре осталась лежать стопка снимков, которые дама демонстрировала слушателям, не называя фамилий тех, кого фотографировала. Ангелина Борисовна увидела, что самым

верхним лежит фото младенца с пятном-пчелкой. Сверху была запись: «Мальчик. Мать Алевтина Михайловна Кирпичникова. Рожден 14 февраля в 05.15. Летальный исход в 07.24. Опухоль головного мозга».

Сапина вернулась в интернат в глубокой задумчивости. Она давно подозревала, что с Афанасием дело нечисто. Но задавать вопросы человеку, который снабжал детдом всем необходимым, она опять не решилась.

Когда Рыбаков ушел в большую жизнь, приют еще некоторое время сохранял статус экспериментальной площадки, но потом лишился его. А Ангелина Борисовна получила другое место работы, ей поручили руководить новым детдомом на другом конце Москвы.

Сообщив все это, зять Сапиной спросил:

— У вас есть пятно-пчела на животе?

— Да, — пробормотала Кирпичникова, — и у меня в роддоме умер новорожденный сын.

— Ангелина Борисовна стала воцерковленным человеком, — вздохнул зять, — перед смертью она исповедалась. А когда батюшка ушел, рассказала мне эту историю, велела найти вас и сказать: мальчика зовут Афанасий Константинович Рыбаков. Теща всегда чувствовала свою вину перед ним, она не подпускала к ребенку потенциальных приемных родителей, лишила его возможности попасть в семью.

Кирпичникова замолчала. Афанасий растерялся и сказал:

— Хорошо, давайте сделаем анализ.

Рыбаков умолк.

— Вы прошли исследование? — поинтересовался Макс.

Афанасий кивнул.

— Да, с точностью девяносто девять и восемь десятых процента я являюсь сыном Алевтины Михайловны Кирпичниковой. У меня есть брат, сестра, племянник.

— Невероятная история, — поразилась я. — Вы поддерживаете отношения с родней?

— Алевтина стала умолять меня поселиться рядом с ними. Я не большой любитель роскоши, жил в городе в небольшой трешке. Могу приобрести пентхаус, построить особняк, но зачем? Использую жилье, как гостиницу, только ночую там, остальное время я на работе. У Кирпичниковых огромный участок, домина в три этажа, прислуга, мне не очень привычно и комфортно там.

— Значит, вы все-таки поселились у матери? — уточнил Макс.

— Она очень просила, — вздохнул Афанасий, — прямо до слез. И мне там все рады.

— Зачем тогда вы к нам пришли? — спросил Вульф.

— Хочу узнать, кто решил украсть меня. Почему отдал в приют? — объяснил Афанасий. — А они против!

— Родители? — уточнила я.

— Да, — подтвердил посетитель. — И им мои деньги точно не нужны, своих хватает.

— Никто, кроме вас, в семье не горит желанием узнать истину? — предположил Володя Костин.

— Верно, — поморщился Рыбаков, — они в один голос твердят: «Успокойся, главное, мы теперь вместе. Зачем тратить нервы, деньги? Ничего мы не выясним». Но нельзя складывать руки, не сделав хоть одну попытку узнать, что случилось. Думаю, то ли мать, то ли отец что-то скрывают. Займитесь моей проблемой. Заплачу, сколько скажете.

— Можно попробовать, — без особого энтузиазма высказался Костин, — но с момента вашего рождения прошло немало лет.

— Мне очень не по себе, — признался Афанасий. — Тревога внутри живет. Беспричинная. Все же хорошо, нашлись предки, наконец я обрел семью, о которой всегда мечтал, и такую, какую хотел. Родители, сестра, брат. А мне нехорошо. У вас душно. В комнате жарко.

— Давайте я поставлю кондиционер на более холодный режим, — предложила я.

— Нет, нет, меня озноб заколотит, — возразил посетитель, — уже несколько дней со мной такое. То в пот, то в дрожь кидает.

— Это на нервной почве, — поставил диагноз Костин, — еще и понос начаться может.

Рыбаков не улыбнулся, ответил серьезно:

— Пока нет.

ГЛАВА 5

Вечером того же дня Макс, приехав домой, сказал:

— Похоже, он фантазер.

— Кто? — не поняла я.

— Афанасий, — пояснил супруг. — Филипп тщательно проверил господина Рыбакова. О нем в интернете почти ничего нет, что, учитывая размер его бизнеса, странно. Википедия о парне не упоминает. Интервью у него журналисты не берут.

— Подумаешь, я тоже в энциклопедии не присутствую, — улыбнулась я, — и корреспонденты к госпоже Романовой не спешат.

Муж сел за стол.

— Ты никого не уверяешь, что ворочаешь миллиардами.

Я начала наливать в тарелку суп.

— Люди разные. Один, как павлин, любит себя, выкладывает в Инстаграм свои фото, которые тщательно улучшил. А другой не хочет жить напоказ. Те, кто реально обладает большими капиталами, не демонстрируют свои виллы, самолеты, покупки, иногда этим занимаются их дети, как правило, подростки. В основном озабочены пиаром деятели шоу-бизнеса и те, кто страстно хочет разбогатеть и прославиться.

Макс взял банку со сметаной.

— Филипп поискал сеть фитнес-клубов нашего клиента. Ее нет.

Я накрыла кастрюлю крышкой.

— То есть как нет?

Супруг отрезал кусок хлеба.

— У него есть один клуб. Там на самом деле основное внимание уделяется реабилитации. Отзывы хорошие, люди довольны. Заведение находится в собственности Афанасия. Из сотрудников: два тренера, из дополнительных услуг: массажист, специалист по иглоукалыванию. Сам хозяин тоже ведет занятия. На сегодняшний день членами клуба являются двадцать четыре человека. Не очень похоже на успешное дело.

Я села к столу.

— Фабрика пошива спортивной формы и остальное тоже в реальности не существуют?

— Правильно мыслишь, — одобрил Макс.

Я отхлебнула из чашки чаю.

— Бред!

Вульф стал намазывать на хлеб масло.

— Существует болезнь — патологическая лживость. Человек выдумывает всякие истории, остановиться не может. Этим недугом страдают многие писатели, но в их случае это называется фантазией. И литераторы воплощают свои фантазии на бумаге, не говорят, что все это произошло с ними. Есть интересная статья немецкого психолога на данную тему с названием «Правда. Вымысел. Бред. Граница между творчеством и болезнью». У Афанасия состояние, похожее на какую-то психическую болезнь.

Я отодвинула тарелку с остатками кекса.

— Детский дом? Младенец-подкидыш? Это все полет фантазии?

Макс вытащил из портфеля компьютер.

— Слушай. «Афанасий Сергеевич Кирпичников учился в школе имени Николая Рустамова с первого по десятый класс. Успеваемость средняя. Часто пропускал занятия. Несколько лет находился в санатории в связи с заболеванием, учился в лечебном учреждении. Занимался спортом, не раз побеждал в соревнованиях. Не пользовался любовью сверстников. Не принимал участия в экскурсиях, поездках, вечерах отдыха. Обучается в институте имени Коркина по специальности тренер, специалист по реабилитации. Увлекался чтением. Не курит. Не употребляет алкоголь. В компрометирующих связях не замечен. В институте успеваемость удовлетворительная. Лекций, семинаров не пропускает. Ответственен. Не лидер. Предпочитает уединение. Не примыкает ни к одной студенческой компании. Однокурсники относятся к Афанасию равнодушно. Характеристика дана для прохождения практики в НИИ «Проблем поведения» лаборантом в отдел П. К. Федотовой».

Я начала собирать со стола посуду.

— Даже не знаю, что сказать! Зачем он тогда пришел к нам? Напридумывал историй! И отчество у него не Константинович, а Сергеевич! И фамилия другая! Цель визита какая?

Макс встал, принес из холла свой портфель, вынул из него книгу в кричащей обложке и положил ее на стол.